Два мира — два мировоззрения

РЕМАРК, каким я себе его представляю

Важнейшей задачей своей в работе над постановкой пьесы М. Загорского— Ремарком—я поставил выявление социальных корней, питающих ремарковщину, уяснение классовой природы и социальной сущности Ремарка.

Чем больше я знакомился с материалом (пьеса, роман), тем яснее становилась для меня основная мысль.—Ремарк талантливый выразитель идей наднациональной интеллигентщины, которая не отдает себе отчета в безнадежности своих идейных позиций.

«— Я шевелил людям мою книгу, мою вспаленное сердце».

Вот все, на что способен Ремарк.

Беспомощность, отсутствие классовой устремленности—характерные черты романа.

Пацифизм, как «высокая идея, воспитывается этой интеллигенцией, и она не видит или не хочет видеть историческую и экономическую несостоятельность своих идей.

«Опять кровь, опять война? Но против кого?»

В этом сущность—против кого?

Отсутствие классового самосознания, отсюда беспомощность, шатание, замкнание в себя, в среду личных переживаний, отсюда тоска, обособленность, горькое самолюбование с налетом оскарувальшинны.

И отсюда же снижение—переход на планы «духовного» в плане биологический—страшный страх перед ужасами войны, нигде для него не оправданной, бессмысленной. Субъективно Ремарк хороший человек. И в этом его трагедия, трагедия той интеллигенции, выразителем идей которой он является.

Объективно,—он предатель. Ремарковщина, становясь общественным явлением, замазывает классовую борьбу и льет воду на мельницу империалистического мира. В сценической работе над Ремарком я и пытаюсь вскрыть всю сложность переживаний, пытаюсь показать и вызвать у зрителя отношение ярко выраженного отношения к носителю идей пацифизма.

Засл. Артист В. Софронов

КАТЧИНСКИЙ, каким я себе его представляю

Опыт социальной мотивировки

Весь ряд по разоблачению Ремарка лежит в пьесе М. Загорского, главным образом, на двух фигурах: Катчинском и Жазне Дюваль. Нет надобности повторять, что Ремарком написана заматериальная книга. И чем художественнее это произведение, тем, естественно, труднее его разоблачить. Трудность увеличивается еще и тем, что у Ремарка Катчинский очень действенный художественный образ. У Загорского же Катчинский очень «публицистичен», сухонат и упрощенно агитационен.

Для Катчинского надо быть организованным человеком, политически грамотным, быть определенно целеустремленным. Надо уметь доказать рост Катчинского, вскрыть его неосознанные психические процессы. Надо помнить: Катчинский—не наш большевик. Это помещ фронтовик, постепенно, под влиянием внешних условий борьбы, постепенно вырастающий в революционера-коммуниста.

Сегодня же и некоторые детали характеристики и активное отношение к теории, который я поновил рядом материалов: для этого я внимательно ознакомился с целым рядом политических документов, статей, речей и пр.

Мне надо сделать Катчинского доходчивым и ясным, а отсюда вытекает необходимость обязательного ухода от пикантности, остроты и упрощенной агитационности. Это послужило основанием для подробнейшей проработки внешних данных Катчинского: характера речи, походки, подчеркнутого отношения к женщине и людям. Для внутренней, глубочайшей устремленности чисто пролетарского характера Катчинского надо было одновременно показать и основной прошлый классовый состояние людей типа Катчинского, иначе говоря всего рабочего класса капиталистических стран: терять пролетарию нечего, смерть не страшна. Единственный путь: борьба с эксплоататорами. Средства для этого: единение и солидарность. Отсюда неизбежен путь органического роста и выявление классового самосознания Катчинского.

Вот какие соображения и вот какие задания я себе ставил. *Г. Мичурин*

Элементы массовой работы

Подпроспектаклю театра проведена большая подготовительная работа к открытию гастролей на для очередной премьеры театра «На Западе без перемен?». Для выяснения своих театр организовывает совещание с отвечающими военными отделениями. Широкую и активную помощь театру оказали: Дом Красной армии и флота, бывший Военно-исторический музей в Артиллерийской школе, работники ОСОАВИАХИМа, Музей Революции.

Выявляя основную тему спектакля, политпросветчасть театра в выставочной работе ставит своей задачей показать, под углом зрения ленинского учения о войне, основные движущие причины империалистической войны, вскрыть пацифизм, олицетворяемый Ремарком, одновременно на этом материале показать пацифистскую роль второго Интернационала.

Организуя выставку, политпросветчасть театра вначале всего, однако, задается целью уйти в историю. Эпоха выставки всех времен и народов, начиная с последнего дня: пользуясь теми или иными фактами, организовать и направить внимание зрителя в сторону подготовки к новой войне, неизбежно в ее том смысле, в каком учил В. И. Ленин:

— «Долой поповско-сентиментальные и глупенькие воззвания о мире во что бы то ни стало. Поднимем знамя гражданской войны».

Эти слова Ленина, сказанные 1 ноября 1914 года, остаются живыми и творческо-активными и сегодня.

Принципиальная установка выставки—разоблачить империалистские настроения, если они еще существуют в кое-ком у нас.

Широко развернута выставка будет в начале осенних сезона, сейчас же будут лишь фрагменты к выставке. Вокруг этой выставки намечается проведение сплошной политически ответственной массовой работы. В план массовой работы включается и световые материалы на тему «Империалистическая война и война будущего». Отдельные вопросы, касающиеся заново на основе новых материалов и последних телеграфных сообщений. Есть предложение использовать и короткометражный фильм.

Пора мобилизоваться против РЕМАРКА

„Ремарка на Ремарка“

Из статьи тов. Виноградова в „Литерат. газете“

Странное положение заняла в нашей литературе книга Ремарка «На западном фронте без перемен». В сущности говоря, пословицы: «Поле дрожи клаклам не мешуть и «Мышиная тонку по волосам не плачуть» могут произноситься с полным правом, когда буржуазный пацифист выступает с обличением войны уже оконченной. Однако, книга Ремарка не только вторгнет на широкий прием на Западе, где «все фронты переменились», но даже у нас, в стране, которая, отбиваясь от капиталистического натиска на всех фронтах социалистической стройки, требует нового поколения мобилизации бойцов, не боящихся боли и крови.

Никто не станет спорить с тем, что книга Ремарка, говорила, что она дает незабываемые картины человеческих страданий, мучений окопника, погибшего из-под снарядов, убивающих тысячами, на операционный стол, не спасающий от смерти, даже раненого. Но ведь все уже в достаточной степени хорошо разагитированы, все знают, чего стоила империалистическая война. Реклама же только немножечко больше нужна, чем другие европейские бандиты, но он, кроме того, заключенный пацифист, т. е. мыслитель, стоящий на своей нелепой позиции, занимающейся новым абсолютно старыми идей.

Пора против Ремарка и ремарковщины мобилизовать ЛОКАФ, пора с большой широтой показать молодежи героев СССР, защищавших дело социализма на суше, на море и в воздухе. Повесть, роман, пьесы—мы должны давно в свойственное мире показать, что наш красноармеец не знает, что такое западно-европейская мумия, что он сознательный творец большого коллектива, что он, отдыхая неразумным в Красную армию, возвращается домой сознательным культурным бойцом.

Позволительно ли при таких условиях проповедывать ремарковщину и бурлящих пацифизм, вместо готовности к обороне и воспитания стойких бойцов, смотрящих в лицо опасности «западного фронта», так как на этом фронте произошли достойные нашего внимания изменения?

Ремарковщину противопоставим «Историю войны против СССР», возникающую ныне по почину М. Горького!

Ремарковщину противопоставим работу ЛОКАФ и нашу горячую любовь к бойцам Красной армии!

„ХЛЕБ“

ПИСЬМО АВТОРА К СОТОМУ СПЕКТАКЛЮ КОЛЛЕКТИВУ РАБОТНИКОВ ТЕАТРА

Дорогие товарищи!

К величайшему сожалению, обстоятельства не позволяют мне присутствовать на сотом спектакле «ХЛЕБА».

Это неприятно мне не только потому, что я не увижу еще раз бодрый, крепко-организованный, с прекрасным актерским составом спектакль, но потому, что очень хотел бы повидать Вас всех, с кем связан лучшими товарищескими отношениями.

Ваш театр, безусловно, один из первых в ряду революционных театров в СССР. Ваш актерский коллектив один из наиболее сплоченных и общественно организованных коллективов.

Меня всегда радовала исключительно четкая, с энтузиазмом проводимая работа, приближающая Вас, один из немногих театральных коллективов в СССР, к рабочему квадратному коллективу.

Ваши постановки в массе своей отличаются политической заостренностью, классовой направленностью, боевым огнем.

Это обеспечило Вам любовь пролетарского зрителя и оригинальную на Ваш театр пролетарских драматургов, которые, уверен, в дальнейшем еще более тесно свяжутся с Вами.

В работе театра, в его исканиях есть, как мне кажется, и ошибки. Формалистские влияния, выражающиеся в увлечении голым техницизмом, формальные эксперименты, идущие вразрез основному в спектакле—содержанию пьесы, некоторая недооценка роли режиссера в создании спектакля.

Убежден, что, продвигаясь по пути применения метода диалектического материализма в театральном искусстве, театр преодолеет эти ошибки и станет действительно пролетарским театром.

Я горячо поздравляю Вас с сотым спектаклем «ХЛЕБА», которым мы шли в генеральную репетицию и дрались за генеральную репетицию, и еще раз повторяю то, что сказал после генеральной репетиции, когда Ваш спектакль подвергся страшенному критическому разгрому:

«Я и дальше пойду с Вами и, если найдется удовлетворительной моя следующая пьеса, отдам ее Вам».

Крепко жму руки всем работникам театра.

В. КИРШОН

Москва 13/ VI—31 г.

Дорогой товарищ Киршон! Гос. Большой Драм. театр шлет тебе, свой горячий товарищеский привет и выражает уверенность, что в дальнейшей борьбе театра за революционный пролетарский репертуар ты будешь с ним, и впредь каждая твоя пьеса явится новым этапом в деле социалистической перестройки театра.

Вместе с тобой и другими пролетарскими писателями будем решать боевые и ответственные задачи культурной революции.

На новых твоих пьесах, вместе с тобой, будем создавать новые спектакли, направленные на борьбу за соц. строительство, за генеральную линию партии.

ПРОЦЕСС и РЕЗУЛЬТАТ

Одной из форм, направляющих и организующих внимание зрителя, является специальная газета, выпускаемая театром к очередному спектаклю. Пользуясь ею—можно попытаться вокруть все разнообразие вопросов создания спектакля; пользуясь ею, можно и должно вскрыть отдельные слагаемые того сложного процесса, в котором организм театра живет весь, период времени подготовки спектакля, т. е. результата процесса творческой работы. И теперь, когда мы на разрешение поставили один из важнейших вопросов творчества—вопрос метода некоторыми предпосылками к его разрешению может явиться обсуждение процесса проработки и подготовки нашей работы.

Первый этап

Оставим за автором слово о том, как пришел он к мысли и тему пьесы. Для первый этап работы по отсеиванию возможем период от появления замысла пьесы, пьесы-монтажа, пьесы до утверждения эмоциональ постановки. Этот этап один из ответственнейших для всех периодов. Реализация, сделанная в первых дней работы над пьесой уже ответственной за результат работы, является предпосылкой ставить «содержание материала» конечно не по пустым. Формальным вычеркиванием отдельных слов, фраз и сцен, не случайной заменой тех или иных выражений и сценических положений — режиссура в переработке чаете, существующуюся опиоць не признавалась личной неуклонные: — режиссуру, вооружение специальными инструментами, основанными социально, исторически и философскую сущность пьесы, подкованные технологией сцены — вступает в тесное содружество с автором, принимая его произведение крепко, как полуфабрикат, в свои руки, в руки, который будет выпущен через пару месяцев.

Я на этом этапе — и на следующих — вспоминаю Ленина: «Чтобы не сделать грубых ошибок, выдвигаемую, дополняю или сказано которого ученого, марксистского, диалектического Ленина: «Ленин не перемыв принципиальных рассуждений,—это ошибки, чаще всего, надоедает и поэт, неточности формулировок или просто по упрямства.

Иногда ученые, прерывается, что посмеяв— не вина, не сложно, что в конечном счете не заключается лишь в известном количестве рассуждений, на которые автор, покушаясь руководителю-режиссеру, — переходят направо, или влево, говорят наносимые слова прямо по пне сцене, быстро или медленно, поскрывшись по их заучивая и через некоторое время играете спектакль. А, в действительности, работа гораздо сложнее и запутывает порой такие объяснения, которые на спектакле чаю будут оставляют неизвестными сиць—но в процессе играете начертую решающую роль.

Второй этап

Второй этап работы начинается тогда, когда режиссер, крепчайший предварительно несколько десятков ниж, прощупывающий различные документы и материалы разнообразного значения и содержания, побывавший в десяти мест в целях изучения той или иной обстановки, имеющий в своем распоряжении, будь то музей, завод, корабль, электростанция или колхоз, приступает к работе над материалом спектакля и творческим анализом, с автором. Часы и дни работы на стол, с обсуждением предварительно ранее над кропотливыми определениями различных элементов характеристики, социальных, повлиявшего и содержания каждого дня, побывавшего